

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Боровиков. Предисловие</i>	6
Вместо предисловия	9
Обломок надгробного камня (Вельск)	12
Челобитные Овдокима Бурунова (Шенкурск)	57
Полстакана сметаны с сахаром (Уржум)	95
Самобеглая коляска Леонтия Шамшуренкова (Яранск)	151
«Живя от правительства в отдалении...» (Пудож)	203
Четыре конца китайки синей (Лальск)	262
Отпечаток ноги Ивана Грозного (Болхов)	327

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взявшись за предисловие к третьему тому сочинений Михаила Бару («Челобитные Овдокима Бурунова») в издательстве «Новое литературное обозрение», принял эстафету у Анны Сафроновой, узаконившей в предисловии к первому тому («Непечатные пряники») особые права журнала «Волга» на этого писателя, с чем я безусловно согласен и повторять не стану.

Хочу же задаться вопросом без ответа: что подвигло ученого-химика в немолодые уже года не к поэзии, при всем законном успехе его стихов, как давно с удивлением подмечено, и очень русских хайку — поэтические склонности овладевают людьми по черт его знает каким загадочным причинам. Нет, достойны редкого удивления не увлеченность (насколько же противное слово), не стремление (еще гаже), не пристрастие даже, хотя это и точнее, — к социально-урбанистическому чисто российскому феномену, который в СССР назывался и этим словом и черпывающе объяснялся — РАЙЦЕНТР. В советской жизни и, соответственно, советской литературе было два центра притяжения — город и село (не знаю, что вперед). Причем город — большой, лучше огромный, лучше столица, а село дальнее, лучше сибирское, во всяком случае, окраинное, удаленное от администраций, сосредоточенное на своих колхозных делах. Районный центр в это распределение не попадал.

И вот в наши дни явился Бару с его редкой, трудно-объяснимой приверженностью к тому, позволю себе сказать, градскому сословию, какое широко разбросано по нашей пространной Отчизне: райцентры, бывшие некогда уездными городами, не успевшие стать промышленными, зато сохранившие исторический облик, да во многом и нравы. Хорошо знаю, что там жизнь во всех отношениях

экономически тяжелее, чем где бы то ни было, и тем неожиданнее там люди.

В своих уездных историях и летописях писатель, кроме кропотливо освоенного местного исторического материала и личных впечатлений, щедро дает волю своей ироничной фантазии, проявляя редкую разнообразием историческую мечтательность. И при этом не забывая тянуть из прошлого ниточки в сегодня, как в сюжете со скопинским Мавроди.

Я пытался найти аналогию Бару, и ничего не получилось. Были и, слава богу, еще встречаются, краеведы-энтузиасты, преодолевающие чиновничьи барьеры по сохранению значимых следов прошлого, только... только если относится к их городу.

Искал в недавнем прошлом, где бывали писатели, но только... тоже, что и краеведы, пишущие о своем: Бажов, Писахов...

Михаил же Бару словно принял обет—посетить, изучить и рассказать о находящихся за пределами привычной видимости местечках, которые, как и вся страна, на все лады тиранились сменой режимов, сочетали приверженность к видимости законов с полным их несоблюдением, ненависть к любому самозванцу, малейшей личной независимости. Но странное дело, при том что речь о бесконечных междоусобицах, сварах, доносах, на которые так щедро российская история, чтение не тяжелит, не удручает, не безнадёжит. Мне кажется очень важным, что Бару больше чем доверяет своему читателю—он приглашает его в соучастники творения текста. Он верит в безусловность союза с читателем не только в политике, но и в собственной поэтике, делясь с ним то и дело своими находками, зная, что читатель сразу в чтении это оценил.

Вот имена городов, о которых рассказал писатель: Вельск, Шенкурск, Уржум, Яранск, Пудож, Лальск, Болхов, Кувшиново (Каменск), Галич, Семенов, Балахна, Пестяки, Фряново, Осташков, Берново, Старица, Торопец, Зубцов,

Ветлуга, Красные Баки, Грязовец, Данилов, Лукоянов, Ардатов, Лысково, Сергач, Спасск-Рязанский, Скопин, Пронск, Михайлов, Котельнич, Кадом, Елатьма, Заволжск, Шацк. Побывать мне довелось только в вятском Яранске с отцом, который там учился, и еще имел понятие о рязанском Скопине из чеховских отчетов о шумном уголовном процессе, и еще однажды привлек Ардатов в газетной полемике о прототипе Арбатова в «Золотом теленке».

Какие-то в силу обстоятельств известны более, какие-то возникли чуть не из небытия, общее, по Бару, — люди этих городов, и я предположу, что причина его привязанности к подобным местам именно в них. Ниже в авторском преисловии прочитаете:

Если бы я умел писать романы, то написал бы роман об этих оставшихся в провинции людях. И вообще. Лучше было бы родиться через эти самые двести лет и быть археологом, а не смотреть на все это сейчас. Это очевидно больно смотреть, а археологу уже не больно, но любопытно. С третьей стороны, есть шанс, что через двести лет или даже через сто эти очерки о городках, которые вы сейчас держите в руках и никак не решите — то ли читать, то ли отложить в сторону, археологи возьмут с собой на раскопки, чтобы читать их у костра, прежде чем пить водку и петь «Милая моя, солнышко лесное».

Этот характерный для Бару пассаж совмещает реальный взгляд на реальный историзм жизни с комическим штрихом, снимающим мнимую серьезность, так безнадежно погубившую нашу культуру.

В 2020 году я писал о поразившей тогда меня книге «Мещанское гнездо»: «Страницы Михаила Бару не хочу покидать, хочу сам читать и другим давать». А теперь завидую читателям «Челобитных Овдокима Бурунова», которым только предстоит открыть эту русскую прозу наивысшего качества как знак того, что литература все-таки жива.

Сергей Боровиков

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

За полтора десятка лет путешествий по нашей провинции насмотрелся я всякого. Живых городков, если исключить Московскую область, видел мало. Гораздо больше полуживых и еще больше полумертвых. Полуживые — это те, в которых еще есть остатки производства или производство умерло, но не так давно, и еще не все поняли, что это навсегда. Есть ряд почти живых, которые с трудом, но все же держатся за счет приезжающих время от времени туристов или дачников, или какой-нибудь лесопилки, или сыроварни, или санатория, или даже тюрьмы. Остальные — полумертвые или совсем мертвые. Там нет ни производства, ни туризма. Там живут родители, жены и дети тех, кто уехал на заработки в большие города. Там они их ждут. Некоторых напрасно. Таких городков я видел около сотни, не меньше. Думается мне, что та русская провинция, которую мы воображали себе по рассказам Чехова, Паустовского, Распутина, умирает... Нет, так не пойдет. Это получается вместо панихиды, а не вместо предисловия. Зайдем с другой стороны.

Лет через сто или двести в автомобильных дорогах нужды не будет — все полетят. Мы станем жить в больших сверкающих муравейниках или на хуторах под прозрачными куполами силовых полей. Райцентров, деревень и сел тоже не будет, но останутся заросшие кустарником и лесом полуразрушенные автомобильные дороги, ведущие к заброшенным кологривам, ардатовым и ветлугам. Останутся старинные бумажные дорожные атласы, на которых все эти весьегонски, зарайски и устюжны будут отмечены. От электронных карт толку не будет — их постоянно обновляют. Бумажные атласы будут стоить бешеных денег — по ним археологи и черные копатели будут отправляться на поиски наших заброшенных провинциальных атлантид.

Кто-то будет возвращаться обратно в мегаполисы с мешками, полными старинных часов с кукушками, древних транзисторных приемников и альбомов с фотографическими карточками в бархатных, изъеденных молью обложках, а кто-то и не вернется, оставшись там навсегда. Об оставшихся сложат страшные, леденящие душу легенды. Будут рассказывать о затерянном в Вологодской или Кировской области древнем уездном городке, в котором еще живут те, кто не захотел уходить в мегаполисы или в специализированные агрогорода, обслуживать сельскохозяйственных роботов. У знакомых или знакомых знакомых обнаружатся друзья или очень дальние родственники, ушедшие навсегда в дремучую, дикую провинцию — к собственным колодцам, огородам, грибам, хлебу, испеченному в печи, к школам с партами в классах, учениками, живыми учителями и к библиотекам с бумажными книгами на полках. Оттуда будут изредка приходить оставшимся в мегаполисах родственникам и знакомым бумажные письма, которые будут приносить бородатые люди в домотканой одежде, а со временем и вовсе перестанут.

К чему я это все... Если бы я умел писать романы, то написал бы роман об этих оставшихся в провинции людях. И вообще. Лучше было бы родиться через эти самые двести лет и быть археологом, а не смотреть на все это сейчас. Это очевидцу больно смотреть, а археологу уже не больно, но любопытно. С третьей стороны, есть шанс, что через двести лет или даже через сто эти очерки о городках, которые вы сейчас держите в руках и никак не решите — то ли читать, то ли отложить в сторону, археологи возьмут с собой на раскопки, чтобы читать их у костра, прежде чем пить водку и петь «Милая моя, солнышко лесное».

P. S. Правду говоря, к этой книге, рукопись которой была готова еще три года назад, я тогда же написал совсем другое вместо предисловия. Теперь вот думаю: куда такое годится? Никуда. Чемодан без ручки, а не вместо

предисловия. Выбросить жалко, а нести... Пусть останется в примечаниях.

Написать бы историю России в челобитных. Томах в десяти. Так, чтобы с детальным анализом: о чем просят, на кого жалуются, кому бьют челом и что в результате получилось. С графиками зависимости всех этих переменных от губернии, времени года, века, социального положения и умственного развития. Потом взять все эти десять томов и отправить... да куда угодно — можно в ООН, можно в МВФ, можно в ЕСПЧ и даже в Красный Крест. И отовсюду нам пришлют деньги и гуманитарную помощь. Римский папа нам отпустит все прошлые грехи и выдаст индульгенции на будущие. Может быть, нас даже заберут всех отсюда пожить куда-нибудь в теплые края. Возьмут в хорошие семьи, будут кормить на убой и показывать гостям. Мы будем становиться на табуретки и тихим, дрожащим голосом читать: «Мы, холопы твои, Ондрушка, Ромашка, Михрютка... по грамоте отца твоего государева блаженные памяти государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси... в станах и волостях многие села и деревни разбойники разбивают, и животы твои губят, и крадут и убивают людей до смерти... с голоду пухнем... обнищали... Христа ради...» — или «Дорогой и любимый товарищ Сталин! Наш любимый вождь и учитель... расстрелять, как бешеных собак... японских шпионов... троцкистских гадин... ни одного врага народа не оставим на земле...»

Нет, это лишнее. Лучше такое: «Уважаемый Владимир Владимирович! По грамоте крестного отца вашего, блаженные памяти Бориса Николаевича... моя пенсия... сорок пять лет трудового стажа... имею медаль... грамоты... макароны... таблетки... за отопление, за электричество... кроме вас, надеяться не на кого...» Нам будут подкладывать лишние куски в тарелки, приносить почти не ношенную одежду, ставить каждый вечер на прикроватные тумбочки маленькие бутылочки с водкой... Впрочем, все это быстро кончится. Долго нас никто не вытерпит. Даже мы сами.